

УДК 1 (091)

Романов А. А.

Г.-Г. ГАДАМЕР: ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье проясняется, как понятие переживания становится предметом философского исследования в современной западной философии. Рассмотрена историко-философская реконструкция этого вопроса Г.-Г. Гадамером, а также показаны недостатки подхода Г.-Г. Гадамера. Эксплицирован историко-философский контекст, предшествовавший и сопровождавший философское обращение к понятию переживания.

Ключевые слова: Ганс-Георг Гадамер, понятие переживания, переживание.

У статті зображено логіку звернення сучасної західної філософії до поняття переживання. Експліковано історико-філософський контекст, що передувало та супроводжувало філософське звернення до розуміння переживань. У статті проаналізовано історико-філософський підхід Г.-Г. Гадамера до цього питання та основні недоліки історико-філософського підходу Г.-Г. Гадамера.

Ключові слова: Г.-Г. Гадамер, поняття переживання, переживання.

The article deals with the logic of philosophical conversion of the concept of experience in the contemporary western philosophical tradition. The article considers the approach of H.-G. Gadamer concerning this problem and its main drawbacks as well. Historical and philosophical context preceding philosophical consideration of the concept of experience is explicated.

Keywords: H.-G. Gadamer, concept of experience, experience.

Переживания – тема крайне проблематичная для исследования по ряду причин. Первая трудность изучения переживаний связана с их принципиальной субъективностью, что ставит под сомнение применимость объективирующих методов. Во-вторых, лексические единицы, обеспечивающие артикуляцию переживаний, многозначны и недостаточно точны, а их употребление носит произвольный, необщезначимый характер. В-третьих, повседневность переживаний и другие негативные коннотации (связанные, например, с эмоциональной уязвимостью переживающего субъекта) на нормативно-ценностном уровне препятствуют рассмотрению переживаний в качестве достойного предмета исследования. Как видно, тема переживаний подразумевает целый ряд проблем, среди которых мы пока отметили три:

- 1) проблему адекватного метода исследования переживаний;
- 2) проблему артикуляции или вербальной выразимости переживаний и
- 3) проблему нормативных предпосылок анализа переживаний.

Проблематика переживаний намечена здесь обще и требует более развернутого представления. Не претендуя на раскрытие отмеченного проблемного поля здесь, мы хотим сосредоточиться на гораздо более умеренной задаче – прояснении того, каким образом понятие переживания становится предметом философской рефлексии в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера. В целом, задача прояснения того, каким

образом понятие переживания становится предметом философской рефлексии, может рассматриваться как предварительная для анализа перечисленных выше проблем. Ганс Георг Гадамер в работе «Истина и метод» [3]¹ отмечал, что слово «переживание» [нем. *das Erlebnis*] не употреблялось ни в XVIII веке, ни даже у Гёте и Шиллера. По Гадамеру, начало широкого употребления слова «переживание» приходится лишь на 1870-е гг., когда это слово начинает использоваться в биографической литературе (прежде всего, в текстах Вильгельма Дильтея, Карла Юсти, Германа Гримма). Происходя от глагола «переживать» [*erleben*], существительное «переживание» приобретает исходные смыслы «быть в живых по прошествии чего-то», а также «иметь непосредственное знание, исходящее из личного переживания» [10, с. 66]. Гадамер сообщает об одновременном хождении слова «пережитое» [*das Erlebte*] в значении «содержательный результат переживания» [10, с. 67]. Оба значения – «переживаться непосредственно» и «приобретать содержательный результат» – отличали исходное употребление слова «переживание» в биографической литературе, сущностью которой, по Гадамеру, было «понимать творчество, исходя из жизни».

Согласно Гадамеру, именно биографическая литература стала источником популяризации слова «переживание», Дильтей же придал этому слову статус понятия в работе о Гёте, впервые изданной в 1877 г., а в 1905 г. переименованной в «Переживание и поэзия» [*«Das Erlebnis und die Dichtung»*]. Гадамер подчеркивает неслучайность появления слова «переживания» именно в исследованиях, посвященных Гёте, творчество которого как ни у кого другого было укоренено в личных переживаниях. Гадамер уточняет, что в варианте 1877 г. Дильтей еще допускает терминологическую нестрогость, например, приписывая Руссо «выдуманное» переживание. Эта, исчезающая в тексте 1905 г., нестрогость Дильтея недопустима для Гадамера в силу противоречия с основным значением понятия – «переживаться непосредственно». Упомянув Руссо, Гадамер выдвигает предположение, что именно Руссо своим обращением к жизни, направленным одновременно против узкого рационализма Просвещения, сделал возможным появление слова «переживание». Обращение к жизни у Руссо носит, по Гадамеру, еще выражено метафизический характер, который угадывается и в спекулятивном мышлении немецкого идеализма в лице Фихте и Гегеля, а также и у Шлейермахера. В этом этапе спекулятивно-метафизического обращения к понятию жизни Гадамер усматривает поиск связи с беспредельной тотальностью, превосходящей сферу

¹ Н.С. Плотников характеризует русский перевод «Истины и метода» [3] как «бездарный <...> совершенно изуродовавший книгу» [6, с. 36]. Поскольку украинский перевод «Истины и метода» [4] содержательно не отличается от русского, мы, насколько возможно, старались придерживаться оригинального текста [10]. Общий недостаток русского и украинского (негласно калькирующего русский) перевода можно охарактеризовать как буквализм, с необратимостью ведущий к потере и искажению «небуквализируемых» смыслов. Так, исходная характеристика переживания «*nach am Leben sein, wenn etwas geschieht*» [10, с. 66] с очевидностью указывает на «перфектное» качество «быть в живых по прошествии чего-то». В русском переводе это передано как «быть еще в живых, когда случилось нечто» [3, с. 104], в украинском – «бути ще живим, коли щось трапилося» [4, с. 105]. Как видно, оба перевода утратили исходный смысл, приобретя взамен чуждые оригиналу значения.

рассудочности и чувственного восприятия. Именно эта тенденция, выражающая протест против современного индустриального общества, характерна, согласно Гадамеру, для философии жизни в лице Ницше, Бергсона, Зиммеля, а также для их романтических предшественников и для искусства модернизма.

Обращаясь к понятию переживания, Гадамер отмечает раздвоенность методологических позиций Дильтея и связанную с ней двойственность понятия «переживание». Дильтей пытался совместить спекулятивный метод с ориентацией на позитивность эмпиризма, вследствие чего понятие «переживания» приобрело у него два основных значения: «переживание» и, еще более, его «позитивный результат» [10, с. 67]. В своей работе Гадамер многократно отмечает, что в XIX в. самоопределение и обоснование гуманитарных наук происходило в контексте очевидного превосходства и образцового статуса естественнонаучного знания. В силу этих реалий именно теоретико-познавательный аспект стал для Дильтея ведущим мотивом в обосновании значимости переживаний. Поскольку данность предметов «исторического» мира (включающего искусство, историю и духовное творчество) отличается от доступной измерению и эксперименту данности чувственно-воспринимаемых предметов естествознания, Дильтей ассоциирует переживания со значаще-смысловой предметностью исторических наук. Иначе говоря, предметы «исторического» мира даются нам в переживании, а переживание – способ данности и источник познания этих предметов. Следствием этого становится ограничение естественнонаучной модели в теории познания, а также переосмысление предметности сознания как предметности переживаний. Близкой к дильтеевской оказывается и теоретико-познавательная трактовка переживаний Гуссерлем. Переживания Гуссерль отождествляет с актами сознания, спецификой которых является интенциональность.

Трактовка Гуссерлем и Дильтеем переживаний как предметности телеологически понимаемого сознания, с одной стороны, страдала крайней абстрактностью и содержательной неопределенностью, с другой – подразумевала невыразимость в понятиях и суждениях чистой непосредственности переживаний. Эта вторая особенность обусловила невозможность полной редукции переживаний к их теоретико-познавательной функции и актуализировала тему репрезентации в переживании беспредельной тотальности жизни. Эта тема звучала уже в творчестве Шлейермахера, а позже была представлена в разработках Наторпа и Бергсона, изданных в 1888 г. Гадамер также останавливается на замечании Зиммеля о том, что в переживании есть что-то от приключения. Приключение не просто прерывает определенный порядок событий, но и в виде исключения значимо связано с нарушаемым порядком, «придавая ощущение жизни» и освобождая от обусловленности устоявшегося видения.

Недостатками исследовательского подхода Гадамера к понятию переживания следует признать: 1) недостаточное различие терминологического и концептуального анализа, 2) универсализацию немецкоязычного контекста, 3) использование «порочного» круга при конкретизации понятия переживания и, в целом, 4) слабую артикуляцию выводов в тексте, тяготеющем более к философичной повествовательности, нежели к философскому анализу. Рассмотрим указанные

моменты подробнее.

Во-первых, Гадамер недостаточно последовательно разграничивает терминологический и концептуальный анализ. Так, он начинает с истории появления слова «переживание» в немецкой биографической литературе 1870-х гг. и устанавливает исходные значения слова. Здесь же он отмечает, что именно Дильтей придал этому слову функцию понятия. В то же время, поначалу Дильтей употреблял слово «переживание» терминологически нестрого, допуская противоречия с его основным значением. Гадамер особо акцентирует подспудную «романтическую» тенденцию, направленную на открытие жизни и уход от узкого рационализма Просвещения. Переходя к анализу понятия переживания, Гадамер отмечает противоречие методологических ориентаций (спекулятивный идеализм и эмпиризм) Дильтея и его теоретико-познавательный мотив при определении значимости переживаний как источника познания и способа данности предметов «историчного» мира (в отличие от предметов естествознания). Таким образом, в концептуализации переживаний Гадамер обнаруживает две основные линии: 1) теоретико-познавательную, ассоциирующую переживания со способом данности предметов гуманитарных наук; 2) мистически-романтическую, инициирующую разрыв с «холодным» рационализмом Просвещения и апеллирующую к представленности в переживании беспредельной тотальности жизни. Ко второй линии можно отнести и трактовку переживания как приключения. Как видно, столь скромные результаты концептуального анализа (подраздел 1.2.γ. *Der Begriff des Erlebnisses* [10, с. 70–76]) мало что добавляют и мало чем отличаются от «истории слова» (подраздел 1.2.β. *Zur Wortgeschichte von «Erlebnis»* [10, с. 66–70]). По сути, у Гадамера речь идет скорее о прояснении социокультурного контекста, в рамках которого немецкие авторы включили в свой лексикон слово «переживание», нежели об уточнении семантической специфики понятия «переживание». По сути, отождествление переживаний: 1) с интенциональными актами сознания, 2) с непосредственной данностью предметов гуманитарного познания и/или 3) с репрезентацией тотальности жизни – очевидные, хотя и высокоинтеллектуальные, уловки по приданию (магического) имени той сфере бытия человека, которая столь сильно определяет его (в том числе, абсурдное) поведение и столь слабо поддается рационализации. Интеллектуальные уловки по отождествлению и именованию не могут заменить тот качественный анализ, который ожидается от философа.

Что еще более существенно в вопросе о неразличении терминологического и концептуального анализа, так это то, что понятие переживания может выражаться в немецком языке не только термином «das Erlebnis», но и, например, «das Gefühl», чему Гадамер не уделяет никакого внимания. Если расширить вопрос о терминах, то окажется, что переживания были намного глубже осмыслены писателями и поэтами, нежели профессиональными философами. Важным обстоятельством здесь оказывается то, что глубина анализа переживаний в поэзии и прозе связана не только с мастерством психологического анализа, но и с выразительной точностью поэтического языка. Эта точность, отмеченная М.М. Бахтиным [1], разительно отличается от терминологической эквилибристики и безыскусного наукообразия

большинства «философских» текстов².

Во-вторых, Гадамер обращается преимущественно к немецкоязычным авторам, с исключением для Руссо и Бергсона. Это ведет к узости истолкования истории слова «переживание». Если в немецком контексте слова «переживание» и «переживать» отсутствуют у Гете, Шиллера, Шлейермахера и появляются в 1870-х гг. в биографической литературе, то в русскоязычном контексте глагол «переживать» встречается у Пушкина, а существительное «переживание» – у Достоевского и Герцена (см. Виноградов). Связь «переживания» с «приключением» и «событием», на которой останавливается Гадамер, также обусловлена чисто словарными значениями немецкого «das Erlebnis». В русском же языке слово «переживание» приобретает особое значение в теории сценического искусства, а ведь понимание актером своего персонажа столь же герменевтично, что и прочтение текстов или исполнение сакральных ритуалов. Английское слово «experience» напрямую указывает на связь переживаний с опытом, а французское «émotion» – с эмоциональностью, не говоря уже о древнегреческом «πάθος» (см. Дворецкий 1954; Сисса 2009). Все эти и многие другие коннотации остались незамеченными в рамках немецкоязычного контекста.

В-третьих, определение переживания как «всегда личного переживания» [10, с. 66], а пережитого как «содержательного результата переживания» [10, с. 67] носит характер «порочного» круга. Разновидность порочного круга можно усмотреть и в следующем определении: «Etwas wird zum Erlebnis, sofern es nicht nur erlebt wurde, sondern sein Erlebtsein einen besonderen Nachdruck hatte, der ihm bleibende Bedeutung verleiht» [10, с. 67]. Это предложение можно перевести так: «Нечто становится переживанием, не потому только, что оно было пережито, но в силу сущностной особенности переживания – приобретать сохраняющееся значение»³. Другая разновидность круга допущена Гадамером в определении понятия переживания у Дильтея: «...Diltheys Erlebnisbegriff offenbar beide Momente enthält, das pantheistische und mehr noch das positivistische, das Erlebnis und mehr noch sein Ergebnis» [10, с. 67], что можно перевести так: «...Дильтееево понятие переживания явно включает два аспекта: пантеистический и, еще более, позитивистский, то есть «переживание» и, еще более, «результат переживания»». Хотя круги в определении понятия переживания носят у Гадамера стилистический отголосок хайдеггеровских «языковых игр», для профессионального философа такого рода игривость – вещь

² В качестве примера литературного подхода к анализу переживаний обратимся к фрагменту из «Дубровского», где Пушкин представляет Машу Троекурову: «Отец любил ее до безумия, но обходился с нею со свойственным ему своенравием, то стараясь угождать малейшим ее прихотям, то пугая ее суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в ее привязанности, никогда не мог он добиться ее доверенности. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении» [7, с. 152]. Мы видим, сколь глубокий смысл передан немногими словами, сколь точен, лаконичен и непретенциозен язык поэта в описании человеческих переживаний и как бесконечно далек от этих качеств язык философа.

³ В официальном русском переводе «Erlebtsein» передано как «содержание переживания» или «переживаемость» [3, с. 105], в украинском как «зміст переживання» или «суть переживання» [4, с. 66].

весьма и весьма сомнительная.

В-четвертых, как видно из всего вышесказанного, текст Гадамера о слове и понятии переживания представляет собой не столько концептуальный анализ, сколько философичное повествование о разного рода фактах, связанных с термином «переживание»: его удивительное появление в 1870-х гг. в немецкой биографической литературе, его возведение в ранг понятия непоследовательным Дильтеем, его теоретико-познавательное обоснование и возможность романтической интерпретации. В чем содержательная специфика понятия переживания, в чем значение сферы переживаний для бытия человека – эти сущностные вопросы остались у Гадамера не только без ответов, но и без постановки.

Обращение к авторитетному исследованию Гадамера показывает, что даже в 1960 г., когда была издана работа «Истина и метод», на магистральных путях западной философии отсутствовало ясное и содержательное представление о переживаниях. Это представление сводилось к внутренне противоречивому объединению под одним именем двух принципиально разных позиций: теоретико-познавательного истолкования переживаний (с оглядкой на каноны сциентизма) и романтически-виталистского протеста против просвещенческого рационализма. Неинтегрированность и равная привлекательность обеих позиций (прочитанная и критикуемая Гадамером у Дильтея, неявно продолжает довлеть и над Гадамером в той мере, в которой он не проблематизирует пути преодоления отмеченного противоречия) отчетливо просматривается в интеллектуальной атмосфере конца XIX – начала XX вв., а по сути, в гораздо более широком временном отрезке. Эта атмосфера легко прочитывается в творчестве Ницше, позднее она породила экзистенциализм и эволюцию позитивизма в его постнеклассические формы (с характерным интересом к личностному знанию, человеческому фактору и поведению научных сообществ). Именно эта атмосфера раздвоенности на рубеже XIX–XX вв. породила психоанализ Фрейда с его яростными претензиями на научность и универсалистской метапсихологией влечений [9]. В этой атмосфере человеческие переживания оказались, с одной стороны, предметом сциентистского «освоения», в том числе экспериментальной психологией, с другой – романтически-виталистского постижения. В психоанализе Фрейда переживания полагались проявлением иррациональных влечений. В то же время деятельность влечений и психического аппарата полагалась законосообразной, обладающей собственными механизмами, структурами и энергетически-гидравлической наглядностью. Хотя непосредственное исследование переживаний теряло в классическом психоанализе первостепенную значимость, психоаналитический синтез витализма и наукообразия формально решал духовный запрос времени, не решая, разумеется, сам вопрос о значении и специфике переживаний. Переживания до поры остаются чем-то маргинальным и, как следствие, неизученным на ничейной земле между наукой и виталистскими учениями.

Литература:

1. *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1979. – С. 361–374.
2. *Виноградов В. В.* Переживание / В. В. Виноградов // История слов. – Москва : Толк, 1994. – С. 451–454.

-
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер : пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
 4. Гадамер Г.-Г. Истина і метод / Гадамер Г.-Г. ; пер. з нім. – Київ : Юніверс, 2000. – Т. I. Герменевтика I: Основы філософ. герменевтики. – 464 с.
 5. Дворецкий И. Х. Πάθος // Древнегреческо-русский словарь. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. – Т. II. – С. 1216–1217.
 6. Плотников Н. Мастер заключительного слова / Н. Плотников // Логос. – 2000. – № 2 (23). – С. 35–38. – Режим доступа: http://ruthenia.ru/logos/number/2000_2/05.html
 7. Пушкин А. С. Дубровский / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Сочинения : в 3-х т. – Москва : Худож. лит., 1987. – Т. 3. Проза. – С. 126–190.
 8. Сисса Дж. Патос // Европейський словник філософій : Лексикон неперекладностей. Том перший. – Київ : ДУХ І ЛІТЕРА, 2009. – С. 480–485.
 9. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – Москва : Наука, 1991. – 456 с.
 10. Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. Bd. 1. Hermeneutik : Wahrheit und Methode / H.-G. Gadamer. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2010. – 497 S.

Надійшла до редакції 17.03.2016. Розглянута на редколегії 17.05.2016

Рецензенти:

Доктор філософських наук, доцент, завідувач кафедри філософії та основ загальногуманітарного знання філософського факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова Секундант С.Г.

Кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії природничих факультетів філософського факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова Петріковська О.С.